

**«ЛИТОВСКИЕ ЛЮДИ» НА ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ В СИБИРИ
В КОНЦЕ XVI – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII ВЕКА
(К РАННЕЙ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ СЛУЖИЛОГО НАСЕЛЕНИЯ
АЗИАТСКОЙ РОССИИ)***

Я. Г. Солодкин

Нижевартовский государственный университет

Поступила в редакцию 17 декабря 2015 г.

Аннотация: *в первые годы после экспедиции Ермака многие выходцы из Речи Посполитой входили в состав гарнизонов ряда сибирских городов и острогов, участвовали в строительстве некоторых из них, как и в походах против «кучумлян» и калмыков, выполняли разнообразные административные поручения. «Литовские списки» служилых людей в отличие от «литвы» включали не только иностранцев, но и казаков, являвшихся русскими по происхождению.*

Ключевые слова: *Сибирский поход Ермака, «литва», «литовский список», гарнизон, «годовая» служба.*

Abstract: *in the first years following Yermak's expedition, many representatives of the Polish-Lithuanian Commonwealth (Rzeczpospolita) served in the garrisons of many Siberian towns and stockade settlements, were engaged in the construction of some of them, alongside campaigning against Khan Kuchum's troops and the Kalmyks, together with conducting various administrative tasks. The «Lithuanian lists» of servicemen, unlike the term «Lithuanians», included not only foreigners, but ethnic Russian Cossacks as well.*

Key words: *Yermak's Siberian expedition, «Lithuanians», «Lithuanian lists», garnison, «yearly» service.*

Со времени основания в Сибири первых русских городов и острогов их гарнизоны помимо детей боярских, казаков и стрельцов русского происхождения включали и принятых на «государеву» службу иностранцев, чаще всего «литву», т.е. выходцев из Речи Посполитой. Роль последних в процессе ранней российской колонизации недавних владений Кучума и соседних «землиц» во многом остается еще неясной, хотя источники, пусть и сохранившиеся со значительными лакунами, позволяют судить о ней с достаточной определенностью.

На основании главным образом Строгановской летописи (далее – СЛ) многие историки включают «литву» в состав «дружины» Ермака, «взявшей» «за саблю» Сибирское ханство [1, с. 6; 2, с. 59; 3, с. 44; 4, с. 121]. Этот вывод, подобно, в частности, Р. Г. Скрынникову, следует признать несомненным преувеличением [5, с. 511–512]. В число сподвижников Ермака можно включить разве что Никиту Пана (кроме СЛ и зависимых от нее летописей, о нем упоминается в двух редакциях синодика «ермаковым казакам» (далее – С) [6, с. 78, 380]) и тех литовцев ногайского «полону» [7, с. 29, 31–32, 38], которых подчас выкупали Строгановы, дабы превратить в своих казаков.

* Исследование осуществлено в рамках выполнения государственных работ в сфере научной деятельности, задание № 2014/801.

© Солодкин Я. Г., 2016

В. Д. Пузанов недавно в обоснование тезиса об участии «литовских людей» в походе Ермака, а затем – их службе в рядах гарнизона Тобольска со времени его «поставления» сослался на обнаруженную А. А. Преображенским челобитную этих ветеранов «Сибирского взятия» об устройстве богадельни в городе, являвшемся центром Тобольского разряда [2, с. 59, 61]. Как говорится в данной челобитной (она поступила в Москву 18 марта 1624 г., а ответная царская грамота, привезенная в воеводскую канцелярию ровно через полгода, была составлена 30 апреля), к боярину князю Ю. Я. Сулешову «с товарищи» (управлявшим «далечайшей государевой вотчиной») обратились «старые служивые литовские люди», которые несли службу «лет по сороку и болши с Сибирского взятия», а ныне от нее «отставлены» [8, с. 42]. Но можно ли безусловно доверять этому свидетельству? Хотя челобитная «литовских людей» Михаилу Федоровичу появилась через 41 год после «взятия» Сибири (под ним могли понимать не только занятие ермаковцами столицы «Кучумова юрта», но и казачью экспедицию в целом) [6, с. 41, 51, 56–69, 72; 9, с. 447], следует помнить, что вслед за гибелью Ермака, поздней весной или в самом начале лета 1585 г., уцелевшие казаки и служилые, прибывшие туда под началом князя С. Д. Болховского, оставили Кашлык (Искер); многие из них вернулись в «Сибирскую землю» через год-два, уже в составе отрядов В. Б. Сукина, И. Н. Мясного и Д. Д. Чулкова, приняв

участие в основании Тюменского и Тобольского острогов. (Известно, что литвин Я. Григорьев, бежавший к Кучуму, через десять лет, в 1598 г., вернулся от хана «на Тару». Стало быть, Григорьев попал в Сибирь уже при основании Тюмени или Тобольска.)

Примечательно, что в челобитной от 10 июля 1637 г. пеших казаков «старой» станицы Тобольска сказано об их службе «в Сибири в Тобольском городе от Ермакова взятя лет по сороку и по пятидесят» вместе с «литвой», конными казаками и стрельцами, но, как заметил Н. И. Никитин, служба тех из них, которые провели в Тобольске четыре десятилетия, началась в 1597 г., а этот город был заложен в 1587 г. [10, с. 226, 229–231], кстати, за полвека до составления челобитной, «Сибирское взятие» же, вспомним, относится к 1582 г. В С, появившемся в Тобольске при «первопрестольнике» Киприане, вероятно, в 1621/22 или следующем году, оно датировано 7089 (1580/81) г. [6, с. 51, 70, 146, 380]. (С этого времени к моменту составления челобитной живших в «Тобольском городе» «старых» «литовских людей» прошло 43 года). Полагать, что ко времени составления «написания» ермаковцев, легшего в основу С, ветераны знаменитой экспедиции провели в Сибири сорок лет [11, с. 153], нет должных оснований. К тому же, как отмечалось и Р. Г. Скрынниковым, в челобитной пеших казаков «старой» сотни (Г. Ильин, вопреки мнению популярного историка, в их число не входил) срок их службы в Тобольске определялся самым приблизительным образом [там же, с. 154]. Вспомним также, что многие ермаковцы покинули Сибирь вскоре после гибели своего предводителя и возвратились обратно в составе отрядов служилых людей, «срубивших» два первых русских города в «Закаменской стране».

Кстати, в «челобитье» за 7131 (1622/23) г. сподвижника Ермака тюменского конного казака Г. Иванова упоминается о его 42-летней сибирской службе [9, с. 446–447], т.е. начало ее приурочено к 7089 г., хотя едва ли под влиянием С, как не исключал Р. Г. Скрынников. (Ведь С возник одновременно с челобитной Г. Иванова, поданной в 1621 г. [7, с. 21], если не позднее, причем в Тобольске.) Сошлемся и на заявление атамана П. Степанова (которого нередко причисляют к ермаковцам) о его 12-летней службе в Тобольске к 7106 (1597/98) г. и 24-летней – во всех сибирских городах к 7115 (1606/07) г. Первый из этих городов (Тюмень), однако, возник в 1586 г., а Тобольск – год спустя. Стало быть, тобольский атаман, по его челобитной переведенный в Верхотурье, в обоих случаях ошибся (на один и три года соответственно). Аналогичная неточность допущена и в челобитной атамана Т. Федорова за ноябрь 7135 (1626) г., где сказано о его 35-летней «службишке» в Сургуте со времени его «поставления», которое па-

дает на 7102 (1594) г. Служилые люди Тары в челобитной 7137 (1629) г. на имя Михаила Федоровича уверяли, что провели там 36 лет, хотя этот город тоже был основан в 7102 (1594) г. Ошибку допустил и десятник конных казаков Г. Алексеев, который в «челобитье» 7138 (1630) г. писал о службе «на Таре» в течение 14 лет, начиная с 7126 г. [12, с. 567, 660, 661] (получается, однако, 12).

Итак, челобитная «старых служивых литовских людей» сибирской столицы за 1623/24 г. не позволяет утверждать, будто выходцы из Речи Посполитой принимали участие в экспедиции Ермака и тем более несли службу в Тобольске со времени его основания (между последним событием и обращением ветеранов к разрядным властям прошло не 40 лет, а 37).

С точки зрения О. В. Внуковой, бывших жителей Литвы направляли из Европейской России в Сибирь еще на помощь Ермаку [13, с. 82]. Очевидно, имеется в виду экспедиция воеводы князя С. Д. Болховского (1584 г.), участниками которой являлись только стрельцы (тульские, казанские, свияжские, пермские и вятские) [14, с. 174, 175].

В конце XVI – первых двух десятилетиях XVII в. «литва» несла службу в гарнизонах Тюмени, Тобольска, Пельма, Березова, Сургута, Тары, Мангазеи, Томска, Кетского, Кузнецкого и Енисейского острогов, участвуя наряду с детьми боярскими, казаками, стрельцами, черкасами в сооружении и ремонте городских укреплений, походах (чаще всего из Тары) против Кучума и его наследников, а также калмыков, за солью к озеру Ямыш, в сборе ясака (который доставляли в Москву), в сопровождении ссыльных. В 1597/98 г., скорее всего накануне похода, завершившегося окончательным поражением сибирского «салтана», «литву» (сколько именно, неизвестно) перевели из Пельма «на Тару», откуда в Омское Прииртышье и двинулось войско письменного головы А. М. Воейкова. (Литовский ротмистр из Витебска Г. С. Костелецкий, посланный в Сибирь в числе детей боярских после трехлетней службы в Москве, помимо Тары «ставил» еще Лозьву и Пелым [12, с. 582]. Кстати, в челобитной сына Костелецкого выезд по-следнего в Россию при Федоре Ивановиче отнесен к 1578/79 г. Этот «святоцарь, однако, вступил на престол пять лет спустя.) Литвины «годовали» в Обском городке, заложенном еще в 1585 г. воеводой И. А. Мансуровым, а также в Томске, Туринском, Мангазейском и Кетском острогах, выполняли дипломатические поручения, возили грамоты и отписки [9, с. 349, 351, 352, 356–359, 361–364, 369, 387]. Так, благодаря царской грамоте от 3 июня 1620 г. о «поверстании» на выморочное место С. Слонского друтого тобольского литвина – Я. Кучи – нам известно, что последний в 1612/13 г. посылался из «первоимянитого града» Сибири за солью вверх по Иртышу в

отряде ротмистра Б. Станиславова, а через пять лет находился среди участников похода стряпчего А. Воронцова-Вельяминова (по-видимому, стрелецкого или казачьего головы) в степь против царевича Ишима и калмыков [15, с. 41, 43, 294–295]. Б. Станиславов, командовавший тобольской ротой «литвы» до смерти в 1628 г., возглавлял «караван» служилых людей всех сибирских городов «по соль к Ямышу озеру» и в 1620/21 г. [6, с. 147; 16, с. 94]. (Утверждение, будто «литовская рота» появилась в Тобольске во второй половине XVII в. [17, с. 92], разумеется, ошибочно.)

Сохранились документальные свидетельства о тоболяках И. Любинском, И. Поступинском, Я. Федьковском, К. Оскорском, М. Вишневском, а также литвинах, служивших в Тюмени (И. Семенов), Березове (Ф. Волошенин, Н. Орехов, Н. Брехов, С. Луцкий), Пельме (Л. Ядровский, К. Иванов, К. Грицков, Л. Игнатъев, Б. Захарьев, П. Михайлов, десятник Б. Волошенин), Сургуте (Я. Высоцкий, Я. Сергунов, Я. Шпаковский, Я. Плешевский), Таре (И. Мошкович, С. Михайлов, Н. Давыдков, Н. Аксенов, десятник Т. Петров), Томске (Г. Михайлов, А. Олфов, И. Сатковский).

В «литве», служившей поначалу во многих сибирских гарнизонах, исследователи (например, К. Б. Газенвинкель, Н. Н. Оглоблин, З. Я. Бояршинова, Н. И. Никитин, Ю. С. Худяков) зачастую усматривали военнопленных. По убеждению О. В. Внуковой, большинство литвинов оказалось на восточной окраине России вскоре после «Ермаковой одиссеи» в качестве ссыльных [13, с. 84]. Уже многочисленность очутившихся тогда в Сибири недавних подданных Речи Посполитой (их количество возрастало едва ли не с каждым десятилетием) противоречит таким заключениям. Известно также, что в 1596 г. из Москвы в Сургут и Тару были отправлены «новоприборные» «литовские люди» [18, с. 130, 131, 134]. К тому же в канун московской Смуты «литва», состоявшая на русской службе, постоянно участвовала в обороне южной «украины», боях с крымцами и шведами [19, с. 48–50], а в самом начале царствования Федора Ивановича 900 пленных поляков и литовцев отпустили на родину, причем без выкупа [20, с. 21]. Их соотечественников, впрочем, ссылали в Сибирь вскоре после ее «взятия» «дружиной» Ермака, однако не чаще, чем попавших в немилость русских, а также «немцев» и черкас [21, с. 31–32, 109, 110, 149].

Кроме «литвы», отдельные из сибирских гарнизонов по крайней мере с 1610-х гг. включали служилых людей «литовского списка», состав которых определяется в историографии весьма противоречиво.

В документах «литва» и «литовский список» подчас отождествляются [15, с. 445, 446]. Так иногда поступают и исследователи, например, И. Р. Соколовский, И. П. Каменецкий, Е. В. Вершинин [22, с. 34, 136–137; 23, с. 239; 24, с. 186]. Последний, к примеру,

недавно писал о том, что русский отряд, двинувшийся 4 августа 1598 г. из Тары против «кучумлян», состоял из 167 служилых «литовского списка», тарских, тобольских и тюменских казаков. Однако в отписке письменного головы А. М. Воейкова, как отмечал еще Н. М. Карамзин, речь идет о «литве». Утверждение И. П. Каменецкого о существовании «литовского списка» в томском гарнизоне к 1618 г. нетрудно опровергнуть, обратившись к документам, известным еще Г. Ф. Миллеру, а также указанным И. Р. Соколовским [15, с. 301, 306; 22, с. 88–89, 184].

По данным Н. И. Никитина, на первых порах в такой список зачисляли бывших подданных Речи Посполитой – поляков, литовцев, белорусов, частично украинцев, однако вскоре в его ряды начали попадать и русские казаки; в 1629 г. из 41 тюменца «литовского списка» иноземцами являлись лишь 9, а год спустя в «литовском списке» Тобольска состояли 116 служилых, в том числе 63 «литвы» и черкас, 53 казака, немца и «литвы» – уроженцев этого города [25, с. 41]. О. В. Внукова же утверждает, что казаки, черкасы, а также новокрещены не входили в состав этого списка [13, с. 84] (вероятно, получившего название от списка («росписи») служилых людей [8, с. 38, 40, 46, 52–56, 71–72, 86, 91; 9, с. 344, 346, 355, 356, 359, 385, 442, 450; 15, с. 204, 258, 301, 306, 334, 360, 381]). Д. Я. Резун вслед за Н. Н. Оглоблиным полагал, что в казаки «литовского списка» обычно определяли всех иноземцев [1, с. 7]. С. Г. Филь признает такими казаками выходцев из малоимущей польской шляхты, попавших в русский плен или нанявшихся на службу [26, с. 188, 194]. Г. Ю. Колева недавно предложила различать «литву» и входивших в «литовский список», найдя, что последние были вынужденно или добровольно перешедшими на сторону России, возможно, пленными из числа реестровых казаков [4, с. 118, 119, 121, 122]. По словам И. Р. Соколовского, в «литовские списки» сибирские дьяки включали «всех лиц... без различия этнической принадлежности», к примеру, в Томске в 1624 г. под началом уже упоминавшегося атамана Г. Иванова (переведенного из Тюмени) служили «литва», новокрещены и конные казаки [22, с. 22, 43, 53–54, 88]. В. Д. Пузанов сослался на свидетельство (за 1668 г.) известного тобольского воеводы стольника П. И. Годунова о том, что «литовская рота», вначале объединявшая иноземцев, со времени их измены в походе к озеру Ямыш (1621 г.) стала включать и русских казаков. Последних верстали на «выбылые места» и в документах 20–30-х гг. XVII в. русских казаков «литовского списка» четко отличали от иноземцев [2, с. 60, 61].

До 1635 г., когда сотни служилых были переведены в Сибирь из Поморья и Нижнего Новгорода [2, с. 62, 127, 128, 167; 25, с. 30, 34, 38], хотя «литва»

входила в состав гарнизонов Березова, Сургута, Мангазеи, Томска, Енисейского и Кузнецкого острогов, «литовского списка» там не было [2, с. 93, 99, 109, 114, 118, 119; 16, с. 238–239; 27, с. 1152, 1258, 1367], как (да и «литвы» вообще) и «на Верхотурье», в Туринском остроге. В Пельме в 1627 г. насчитывалось 66 стрельцов, сослуживцами которых являлись 8 литвинов и немцев, а также 4 казака «литовского списка». Примечательно, что пелымский пожар 8 июня 1621 г. начался в Литовской слободе, на дворе жены стрельца С. Ярославца Пелагеи [2, с. 86, 89; 15, с. 311]. В Тюмени, где ротмистр известен только с 1660 г. (ранее «литву» и конных казаков там возглавлял атаман [12, с. 447, 464, 514; 15, с. 467]), в 1627 г. «литовский список» состоял из 22 конных казаков, 14 литвинов, немцев и черкас, а вскоре увеличился на несколько человек. Примечательно, что в том же году одним из таких казаков сделался пушкарский сын [2, с. 122, 128, 130, 133]. «На Таре», где ротмистр известен еще с 1607 г., наряду с конными казаками в «литовском списке» численностью от 72 до 80 человек в 1627–1633 гг. состояли пять казачьих десятников, литвины, черкасы, немцы [2, с. 13, 122, 128, 130, 133, 159, 166–167, 169, 170; 12, с. 666]. Самое раннее упоминание о литовском ротмистре в Тобольске относится, повторим, к 1612/13 г., хотя, судя по челобитной пеших казаков «старой станицы» этого города за 1637 г., ротмистр издавна возглавлял местную «литву» – едва ли не с первых лет существования крепости, вскоре ставшей столицей «русской» Сибири. Согласно «именному списку» 1627/28 г., в Тобольске несли службу 411 «литвы», ратных людей из «литовского списка», казаков и стрельцов. Тогда же литовская рота города, являвшегося разрядным центром, состояла из 63 литвинов (выходцев из Речи Посполитой) и конных черкас, 28 литвинов – тобольских уроженцев, 3 немцев, 22 казаков «литовского списка»; к концу первой трети XVII в. эти цифры изменились незначительно [2, с. 59, 60; 10, с. 226, 230, 231; 15, с. 41, 294]. (Вывод о том, что «литва», как правило, занимала в сибирских гарнизонах командные должности [28, с. 30], должен считаться явным преувеличением [22, с. 184].)

Примечательно, что в 1628 г. казак «литовского списка» Тобольска Б. Муромцев посылался к ойратам, а восемь лет спустя к тому же «списку» принадлежал казак П. Александров [8, с. 53, 73, 78; 12, с. 542, 558; 15, с. 397]. Когда же по челобитной «тобольской литвы и литовского списка казаков» в 1628 г. место умершего ротмистра Б. Станиславова занял литвин Г. И. Черный, на его «выбылое» место в дети боярские был поверстан беспоместный малоярославецкий новик Ф. П. Воропаев [16, с. 94].

По мысли И. Р. Соколовского, «литовские списки» составлялись дьяками сибирских городов [22, с. 15, 22, 53–54]. Вероятно, это делалось с санкции москов-

ских властей, ибо такие списки в рассматриваемое время существовали лишь в Тобольске, Тюмени, Таре и Пельме.

Стало быть, «литовские списки», сложившиеся в первой трети XVII в. в нескольких сибирских городах, поначалу состояли из «литвы», черкас, немцев, появившихся там еще вскоре после «Ермакова взятия» «Кучумова царства», а с 1620-х гг. (после измены «немчина» Ганса 70 литвинов и тюменских черкас в экспедиции к Ямышевскому озеру [15, с. 368; 29, с. 159]) включали и русских казаков, несших конную службу (число которых постепенно увеличивалось).

В конце XVI – начале XVII столетий «литва», стало быть, служила почти во всех сибирских городах и многих острогах (ее со временем в Тобольске и Таре даже объединили в роты). Хотя численность «литовских людей» в гарнизонах восточных уездов Московского государства за тот период неизвестна, эта категория служилых подобно детям боярским, казакам и стрельцам сыграла существенную роль в разгроме «салтана» Кучума, в закреплении за Россией бескрайних земель, образовавших новое царство «освященного» Федора Ивановича и ряда его преемников на русском престоле.

ЛИТЕРАТУРА

1. Очерки по истории белорусов в Сибири в XIX–XX вв. – Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2001. – 240 с.
2. Пузанов В. Д. Военная политика Русского государства в Сибири (конец XVI – начало XVIII в.) / В. Д. Пузанов. – Сургут : Таймер, 2011. – 223 с.
3. Борисенко А. Ю. Европейские военные специалисты в российских войсках в Сибири в конце XVI – начале XVII вв. / А. Ю. Борисенко, Ю. С. Худяков // *Aus Sibirien* – 2011 : научно-информационный сборник (к 75-летию А. В. Христея). – Тюмень : Печатник, 2011. – С. 44–46.
4. Колева Г. Ю. Иноземный контингент в составе служилых людей Сибири : казаки «литовского списка» / Г. Ю. Колева // *Вестник Сургут. гос. пед. ун-та.* – 2014. – № 4 (31). – С. 118–127.
5. Солодкин Я. Г. К первоначальной истории присоединения Сибири к России (о некоторых спорных интерпретациях «Ермакова взятия» «Кучумова царства») / Я. Г. Солодкин // *Былые годы.* – 2014. – № 34 (4). – С. 510–518.
6. Полное собрание русских летописей. – М., 1987. – Т. 36. – 382 с.
7. Сергеев В. И. Источники и пути исследования сибирского похода волжских казаков / В. И. Сергеев // *Актуальные проблемы истории СССР.* – М. : Изд-во Моск. обл. пед. ин-та, 1976. – С. 18–57.
8. Первое столетие сибирских городов : XVII век. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 1996. – 192 с. – (История Сибири : Первоисточники. Вып. 7).

9. *Миллер Г. Ф.* История Сибири / Г. Ф. Миллер. – 2-е изд., доп. – М. : Восточная литература РАН, 1999. – Т. 1. – 630 с.
10. *Никитин Н. И.* О «старой» ермаковской сотне (к истории одного мифа) / Н. И. Никитин // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.) : к 80-летию члена-корреспондента РАН В. И. Буганова. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – С. 224–231.
11. *Скрынников Р. Г.* Сибирская экспедиция Ермака / Р. Г. Скрынников. – 2-е изд., испр. и доп. – Новосибирск : Наука, 1986. – 318 с.
12. Русская историческая библиотека. – СПб. : [б. и.], 1884. – Т. 8. – XVI + II + 1292 + 52 с.
13. *Внукова О. В.* Формирование первых сибирских гарнизонов в конце XVI – начале XVII веков / О. В. Внукова // Россия и страны Запада : проблемы истории и филологии. – Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. пед. ин-та, 2002. – Ч. 1. – С. 74–86.
14. *Шашков А. Т.* К истории возникновения в конце XVI в. первых русских городов и острогов на восточных склонах Урала / А. Т. Шашков // Уральский сборник : История : Религия : Культура. – Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1997. – С. 174–179.
15. *Миллер Г. Ф.* История Сибири / Г. Ф. Миллер. – 2-е изд., доп. – М. : Восточная литература РАН, 2000. – Т. 2. – 796 с.
16. *Александров В. А.* Власть и общество : Сибирь в XVII в. / В. А. Александров, Н. Н. Покровский. – Новосибирск : Наука, Сиб. отд., 1991. – 401 с.
17. *Зинченко С. Н.* Особенности социального и национального состава сибирских казаков конца XVI – XVII в. / С. Н. Зинченко // Присоединение Сибири к России : новые данные : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием : 9–10 декабря 2014 г. – Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2014. – С. 85–98.
18. Русская историческая библиотека. – СПб. : [б. и.], 1875. – Т. 2. – XII + XX + 1288 с.
19. *Солодкин Я. Г.* Поляки и «литва» на русской службе в конце XVI – начале XVII века / Я. Г. Солодкин //
- Вопросы истории славян. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004. – Вып. 16. – С. 48–55.
20. *Карамзин Н. М.* История Государства Российского / Н. М. Карамзин. – М. : Книга, 1989. – Кн. 3, т. 10. – 166 + 86 с.
21. Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII в. – М. : [б. и.], 1982. – Вып. 1. – 160 с.
22. *Соколовский И. Р.* Служилые «иноземцы» в Сибири XVII века (Томск, Енисейск, Красноярск) / И. Р. Соколовский. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2004. – 212 с.
23. *Каменецкий И. П.* «Служили истинною правдою и беспорочно...» (поляки и «литва» Кузнецкого острога в XVII веке) / И. П. Каменецкий // Проблемы российско-польской истории и культурный диалог : материалы Междунар. науч. конф., Новосибирск, 23–24 апреля 2013 г. – Новосибирск : Изд-во Ин-та истории СО РАН, 2013. – С. 239–246.
24. *Вершинин Е. В.* Рец. на кн.: Трепавлов В. В. Сибирский юрт после Ермака : Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М., 2012 / Е. В. Вершинин // Российская история. – 2014. – № 3. – С. 184–187.
25. *Никитин Н. И.* Служилые люди в Западной Сибири XVII века / Н. И. Никитин. – Новосибирск : Наука, Сиб. отд., 1988. – 255 с.
26. *Филь С. Г.* Казаки «литовского списка» / С. Г. Филь // Казачество Сибири : от Ермака до наших дней (история, язык, культура) : материалы междунар. науч.-практ. конф. – Тюмень : Экспресс, 2009. – С. 186–194.
27. Книги разрядные, по официальным оных спискам. – СПб. : [б. и.], 1853. – Т. 1. – XV + 1380 + I + II с.
28. *Курилов В. Н.* К вопросу об исторической психологии межэтнических контактов в Сибири XVII в. / В. Н. Курилов, А. А. Люцидарская // Этнические культуры Сибири : проблемы эволюции и контактов. – Новосибирск : Наука, Сиб. отд., 1986. – С. 26–46.
29. Полное собрание русских летописей. – М. : Наука, 1968. – Т. 31. – 263 с.

Нижневартовский государственный университет

Солодкин Я. Г., доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, заведующий Научно-исследовательской лабораторией региональных исторических исследований

E-mail: hist2@yandex.ru

Тел.: 8-922-249-20-91

Nizhnevartovsk State University

Solodkin Ya. G., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Russian History Department, Head of the Research Laboratory for Regional Historical Studies

E-mail: hist2@yandex.ru

Tel.: 8-922-249-20-91